

Со Фэй ел с огромным аппетитом, нарочито хрустя сладостями, чтобы детёныш тоже почувствовал голод. Тот, доселе не выдавший таких вкусов, сглотнул голодную слюну, хотя держался непреклонно, как гордец, не желающий ронять достоинство ради пустяка*. Но большие глаза влажно заблестели, выдавая внутреннюю борьбу.

[*Ронять достоинство ради пустяка (□□□□□□□□, bú wèi wǔ dǒu mǐ zhéyāo) — букв. «не стоит того, чтобы кланяться за пять доу риса».]

Со Фэй обрадовался. С улыбкой он извлёк из мешочка кусок пирога с кремом и положил на ладонь.

— Дай я тебя поглажу, и тогда можешь съесть.

Малыш заскулил, словно говоря: лучше умереть, чем продаться за еду.

Со Фэй достал ещё один кусок и положил себе на ладонь рядом с первым:

— Хорошо, два.

Детёныш неуверенно взвыл: теперь его хотят подкупить двумя лакомствами? Он... Он на это не польстится!

Эльф лукаво хихикнул; так могла бы смеяться кокетливая хозяйка публичного дома, готовая на любые уловки ради привлечения клиентов. Он повысил ставки и теперь держал в руках целый пирог, размерами вдвое превосходящий голову маленького хищника.

Большие глаза заблестели сильнее, и хотя он всё ещё порывивал, но всем телом немного подался вперёд.

Со Фэй осторожно протянул руку, но как только он собрался коснуться, пушистый комочек тут же оскалил на него зубы.

Рука тут же отёрнулась.

— Поешь сначала, а поглажу потом.

Детёныш окончательно растаял. Коротко взыв от радости, он зарылся мордочкой в пирог, как маленький поросёнок.

Когда с угощением было покончено, Со Фэй наконец получил желаемое.

Сидя на траве где-то в лесу Ноэль, известном на весь Яланс, он довольно гладил малыша по мягкой шёрстке, размышляя примерно о следующем: «Вот вырастет, продам его шкуру — и озолочусь.»

Лёжа на траве где-то в лесу Ноэль, известном на весь Яланс, с огромным удовольствием вытянув лапы после сытной еды, детёныш думал примерно о следующем: «Вот вырасту большим и сильным священным зверем — и первым делом сожру этого мерзкого эльфа.»

— Вот он, легендарный лавхейт**.

[**Лавхейт (lavxheyt, xiāng ài xiāng shā) — букв. «взаимно любить, взаимно убивать». Описание отношений, в которых присутствуют конфликты и борьба, но одновременно взаимное уважение или даже привязанность.]

Вот так один эльф и один детёныш священного зверя заключили негласное соглашение: один был рад билету в богатую жизнь, другой с неохотой согласился сопровождать свой будущий обед.

Со Фэй по неопытности решил, что подкупил этого милого малыша горой пирогов, печенья и прочих десертов. Ну а детёныш был уверен, что большой глупый эльф, очарованный его величием и красотой, добровольно поступил к нему в услужение.

— Много думать вредно, от этого потом одни беды.

После плотной еды и хорошего отдыха сил у Со Фэя прибавилось.

Он встал в полный рост, размышляя, как выбраться из этого места. Ему было неизвестно, что сейчас с Виксанной и в каком она состоянии. Использование запретных чар отнимало много сил, не всегда убивая мага, но неизменно сокращая срок его жизни.

А учитывая особый статус Виксанны, можно было даже не сомневаться: сородичи не позволят ей просто так умереть.

Она ведь крайне умна: даже в момент сильного потрясения мгновенно сориентировалась в ситуации и выстроила чёткий план.

Виксанна очень тщательно подбирала слова, обращаясь к Маньци: сперва попросила дать ей немного времени, чтобы успеть спасти сына, затем заявила, что знает правду, — эту карту она приберегла для себя.

Вот почему Со Фэй был убеждён: эльфы будут всеми силами оберегать ценную пленницу, знающую «правду».

Он невольно вздохнул. Нужно поторапливаться и придумать, как вырвать Виксанну из их лап.

Но прежде всего... Куда его вообще занесло?

Деревья вздымаются к небесам, а подняв голову, неба не разглядишь — только непроницаемый зелёный полог листвы.

В Ялансе наблюдение за небом было целой наукой. По его оттенкам человек сведущий мог определить, на чьей земле стоит.

Валинор, обитель эльфов, днём купался в сиянии Священных Древ, а по ночам его небеса были усеяны звёздами.

Благословенные владения небожителей не знали ночи, а империя демонов, их извечных врагов, никогда не видела света дня.

У людей и гномов всё было просто и ясно: днём небо светло-голубое, ночью — тёмно-синее.

Земли троллей и орков были схожи, и небеса там в любое время суток тускло отсвечивали жёлтым, словно в воздухе висели песок и пыль.

У сильфов же всё было по-своему. Поскольку они умели летать, их территория располагалась в воздухе прямо между небесными владениями небожителей и земной вотчиной людей и была защищена особым барьером.

Что до драконов, Со Фэй помнил, что они крайне загадочны и скрытны: даже его персонаж, без пяти минут непревзойдённый гун всего Яланса, так и не смог проникнуть в их пространство.

Но с того места, где он стоял, неба было не видно, и определить местоположение не представлялось возможным даже приблизительно. Что ж, ничего не оставалось, кроме как немного прогуляться и оглядеться. Пусть даже не удастся выбраться из этой глуши, вдруг получится встретить кого-то из разумных обитателей леса и разговорить?

Он шагал уже два часа. Ноги налились свинцом, а окружающие виды всё не менялись.

Детёныш начал поскуливать — видимо, тоже устал, — так что они устроили привал. Со Фэй достал два куска пирога, и невольные спутники приступили к еде.

Но не успев прикончить угощение, малыш встрепенулся и выгнул спину, почуяв опасность. С оглушительным шлепком рядом упало что-то огромное.

Со Фэй подскочил, как ужаленный, и резко обернулся на звук. Открывшееся зрелище пригвоздило его к месту.

Ну и жуткая же пасть! И какая здоровенная! Каждый клык размером с самого Со Фэя. Этому огромному чудовищу он был на один зуб!

От ужаса эльф оцепенел, и только укус крохи привёл его в чувство.

Дерьмо, дерьмо, дерьмище! Надо валить, и живо! Со Фэй пожалел, что у него нет десяти быстрых ног, чтобы одним махом унести за сто восемь тысяч ли***.

[***Сто восемь тысяч ли (石萬里, shí wàn bā qiān lǐ) — употребляется образно в значении «очень далеко», «на огромное расстояние». Персонаж классического китайского романа «Путешествие на Запад» Сунь Укун обладал искусством одним прыжком сквозь облака покрыть расстояние в сто восемь тысяч ли (54000 км).]

Он рванул с места, как угорелый, и бежал до тех пор, пока не подкосились ноги. Лишь тогда, упёршись руками в дрожащие колени и жадно глотая воздух, он осмелился обернуться.

Столько бежал, а огромная голова до сих пор маячила позади. Это ж насколько она, блин, здоровенная?! Неправдоподобно большая!!

Однако теперь, наблюдая издали, он вдруг понял, что гигантская башка совсем не движется. Со Фэй вспомнил, сколько шума натворило её падение, и призадумался...

Монстр, что, издох?

От этой мысли трусливое сердечко Со Фэя перестало так сильно колотиться и забилось ровнее. Теперь им двигало любопытство.

Кроме большой головы, в глаза бросалась светло-голубая шкура, покрывающая всё тело чудовища. Она лоснилась и переливалась, а поверх неё располагались девять огненно-красных кисточек меха. Всё это ослепительное великолепие напоминало пламя, застывшее на льду.

Глаза Со Фэя вспыхнули жадностью*: перед ним был монстр, и монстр весьма известный — свирепый зверь ледяного пламени.

[*Вспыхнули жадностью (眼红了, yǎnjīng dōu lǜ le) — букв. «глаза стали зелёными». В данном контексте это идиоматическое выражение означает сильное желание чем-то завладеть.]

Свирепый, мать его, зверь седьмого ранга! Мёртвый зверь ледяного пламени!

«А что это значит? А это значит... Что я богат!» — ликовал он про себя.

От радости Со Фэю захотелось поднять лицо к небу и заорать что есть силы. Быть может, божество, которое его сюда забросило, всё-таки одним глазком за ним присматривает и подкинуло плюшек. Богатство само идёт прямо в руки, отлично же!

Он улыбался до ушей. Усталости как не бывало, и он с новыми силами припустил обратно.

Говорят, жадность до добра не доводит**, и в отношении Со Фэя это оказалось чистой правдой.

[**Жадность до добра не доводит (□□□□□□□□□□, rén wèi cái sǐ, niǎo wèi shí wáng) — букв. «люди гибнут в погоне за богатством, птицы гибнут в погоне за пищей».]

Приблизившись к туше монстра, он вдруг понял, что всё не так просто...

Это ведь свирепый зверь седьмого ранга. Даже хорошо сыгранная пати из мага, лучника и воина вряд ли разделается с таким жирным боссом. И что же, он вдруг удумал тихо-мирно испустить дух прямо на глазах у Со Фэя?

Он собрался дать дёру уже в третий раз за сегодняшний день. Ну конечно, всегда есть подвох! Наверное, его убил ещё более зубастый и кровожадный босс. Куда обычному персонажу с ним справиться...

Хотя встретить свирепого зверя седьмого ранга — это большая удача, нужно ещё и выжить, чтобы вкусить её плоды.

Но, уже собравшись бежать, зоркий Со Фэй заметил впереди расплывчатую фигуру. Приглядевшись, он не поверил глазам.

«Это что, человек? Да быть не может, чтобы он в одно лицо уложил свирепого зверя седьмого ранга, ахах! Это как муравью слона завалить!»

Пока Со Фэй топтался на месте, «человек» тоже его обнаружил и тихо, шаг за шагом, двинулся навстречу.

Когда между ними осталось метра три, не больше, Со Фэй смог в подробностях рассмотреть незнакомца. Уши не острые — значит, не эльф. Крыльев нет — стало быть, не небожитель и не сильф. Ростом меньше пяти метров — точно не тролль. Ну а высокая и стройная фигура исключала родство с гномами. Но эти фиолетовые глаза...

Твою-то мать! Это демон!

Юный эльф был готов разрыдаться. Встреча с демоном сама по себе не предвещала ничего хорошего, а уж встреча с демоном, который собственноручно прикончил монстра седьмого ранга, пугала Со Фэя до усрачки!

Насколько он помнил, демоны были извечными врагами небожителей и эльфов. Встреча демона с эльфом порой обходилась без смертоубийства, но один никогда не упускал возможности помучить другого, при этом изукрасив так, что мать родная не узнает.

«Похоже, бежать уже поздно, да?»

Дела в Ялансе обстояли следующим образом: сильфы были соблазнительны и очаровательны, эльфы — грациозны и изящны, небожители — величественны и благородны. Эти три расы, без сомнения, восхищали каждого. Люди и гномы были середнячками, ну а орки и тролли сокрушали всякие понятия о красоте.

Демонам же были свойственны крайности: они были либо невероятно прекрасны, либо столь же невероятно уродливы. Первородные чистокровные демоны когда-то обладали поразительной красотой, затмевая даже эльфов и небожителей. Но для них самих превыше всего была сила, а чистота крови их заботила мало. В погоне за могуществом они не гнушались даже кровосмешения с орками, тем самым создав новую расу, троллей, и это многое говорит о демонах.

Эльф настороженно наблюдал, как незнакомец подходит всё ближе. Внешностью он как минимум не уступал его драгоценному Маньци, и Со Фэю невольно захотелось преклонить перед ним колени.

Длинные волосы цвета воронова крыла, фиолетовые глаза, точёные черты лица — перед ним определённо стоял первородный демон.

В Ялансе есть поговорка: не говори с гномами о росте, а с демонами о морали***.

[***Мораль (三, sānguān) — букв. «три взгляда». Современный китайский термин, обозначающий мировоззрение, ценности и взгляды на жизнь.]

В особенности это касалось первородных демонов — для тех мораль давно была пустым звуком.

Так что эльф не рассчитывал остаться в живых; он лишь надеялся, что покинет этот мир быстро и без мучений.

Демон стоял уже совсем рядом, и у Со Фэя сердце ушло в пятки.

А тот посмотрел на эльфа напротив него, легко, почти незаметно, усмехнулся, и в фиолетовых глазах заплясали злые искорки. Он схватил Со Фэя за подбородок и, склонившись к нему, накрыл его губы своими.